

Михаил Кирюшин

Предсказал ли А. И. Солженицын мировой экономический кризис?

В настоящее время в мире преобладает неопределённость оценок нынешнего мирового экономического кризиса: его причин, глубины возможных последствий и путей выхода из него. В оценках многочисленных политиков, бизнесменов, экономистов (от никому не известных до лауреатов Нобелевской премии) преобладает одно — растерянность. Странно: чему же учили нас в Гарварде, Стэнфорде и в Лондонской школе экономики? Какова оказалась реальная цена и наших знаний, и учебных программ? Особенность нынешней ситуации в мире также в том, что, кажется, нет такого авторитета, нет личности планетарного масштаба, который бы чётко и адекватно поставил бы диагноз современному состоянию человеческого общества (а экономика — есть производная от этого состояния) и к которому прислушались бы все (может быть, за исключением Папы Римского).

А не обратиться ли за советом к А. И. Солженицыну, который, если отринуть предубеждения

и трезво взглянуть на вещи, ставил точный диагноз не только тоталитарному Востоку, но и «благополучному» Западу ещё в шестидесятых-семидесятых годах, когда в наших оценках однозначно преобладала идеализация западного общества, хотя подавляющее большинство людей в мире и сейчас считает Запад (и его экономическую систему) авангардом всего человечества (несмотря и на кризис). Хотя А. И. Солженицын и не был экономистом, его провидение, похоже, было гораздо точнее и глубже, чем прогнозы целого сонма экономистов, аналитиков и прочих высокооплачиваемых специалистов, окопавшихся в финансовых структурах, как у нас, так и где-нибудь в небоскрёбах лондонского района Canary Wharf.

Среди общественных факторов, рассматриваемых в публицистике АИС, непосредственно связанных с источниками возникновения кризиса, я бы выделил два типа: внешние (производные) и вну-

тренние (главные — нравственные). Остановимся сначала на первых, как наиболее очевидных.

Прежде всего, Солженицын видел опасность доминирования в хозяйственной жизни финансовых учреждений, их всевластия. Вот что писал он в своей знаменитой работе «Как нам обустроить Россию»: «Банки — нужны как оперативные центры финансовой жизни, но — не дать им превратиться в *ростовщические наросты* и стать негласными хозяевами всей жизни».

Что есть современное западное (и российское) общество? Признано всеми, что оно есть «общество потребления». Но такое общество по своей природе — заведомо заложник финансовых структур, ибо основная особенность «философии» потребительства состоит в его ненасытности. Люди привыкают жить не по средствам, а где взять недостающие средства, как не у банков. В обществе потребления банки просто не могут не стать «*хозяевами всей жизни*». И если вдруг по каким-либо причинам они перестают выдавать кредиты, неминуемо должно произойти то, что мы и наблюдаем сейчас. Зависимость от банков особенно критична в нынешней России с умопомрачительными ценами на жильё в крупных городах, где люди вынуждены соглашаться на ипотечную кабалу, ибо для большинства нет иного пути приобретения недвижимости.

«*Ростовщические наросты*». А как же иначе должно назвать многие российские банки, до кризиса бравшие на Западе кредиты под 4–5% годовых и перепродававшие их населению под 12–15%?

Необходимо также отметить, что банки — мощнейшие лоббисты своих интересов во властных структурах, ибо в нынешнем обществе (что в западном, что в российском) степень влияния на власть прямо пропорциональна финансовым возможностям лоббиста. В настоящий момент мощная финансовая помощь со стороны государств, исчисляемая десятками миллиардов долларов, предоставляется (во всем мире) в первую очередь — банкам. Население фактически стало не только заложником, но и содержателем банков, ибо государственная казна наполняется в основном налогоплательщиками. Наиболее вопиющее свидетельство тому — цинизм финансистов Уолл-Стрит, одной рукой выколачивающих из государства себе поддержку (чуть ли не в триллион долларов), а другой — выплативших себе по итогам 2008 года 18,4 млрд. долларов премиальных. (The Washington Post, 4 февраля 2009)

Виктор Геращенко в интервью ВВС в декабре 2008 высказал такую мысль: «На мой взгляд, за эти 30 с небольшим лет в мире стали возникать громадные денежные средства, выраженные в долларах, которые для получателей этих средств — то есть для нефтедобывающих стран — для их экономического развития были не нужны. И поэтому эти деньги стали гулять по миру и стали искать инструменты для вложения, для получения процентов. И, на мой взгляд, если смотреть в мировом масштабе, для обе-

спечения нормального производства, для удовлетворения потребностей человечества, денег уже больше, чем товаров и услуг».

Очевидно, что спектр обладателей этих громадных средств надо расширить и включить туда представителей крупного бизнеса, включая российских олигархов. А кто же обеспечивает «инструменты для вложения» этих «шалых» денег, как не банки? Мне вспоминается одна телепередача на ВВС. У них имеется великолепная рубрика — нечто вроде case study определённой профессии с точки зрения неспециалиста, «простого человека», роль которого играет журналист ВВС. В данном случае объектом case study стал президент знаменитого банка, чей небоскрёб возвышается среди многочисленных ему подобных напротив Гринвича на противоположной стороне Темзы. В своём интервью журналист задал банкиру «наивный» вопрос: «За счёт чего же вы все здесь существуете — тысячи высокооплачиваемых работников в этом громадном здании?» (а сколько ещё — в соседних небоскрёбах других банков). «Наш основной доход приносят операции, связанные с управлением средствами богатой клиентуры (wealth management)», — был ответ.

Именно это и имел в виду Геращенко. Во что же вкладывались эти деньги богатых клиентов? В «реальный сектор»? Частично, конечно, да, но прибыльность таких вложений не может сравниться с прибыльностью, к примеру, от спекуляций акциями, в том числе и российских предприятий. И эти шальные деньги, как оказалось, несли угрозу мировой экономической системе. Пузырь МММ в масштабах всей планеты рано или поздно должен был лопнуть.

Но многие оценки сейчас сходятся в том, что нынешний кризис — есть, прежде всего, кризис доверия: доверия банков друг к другу, банков — к коммерческим структурам, банков — к населению, т.е. фактически в конечном итоге это — кризис *доверия людей друг к другу*. Мы больше не доверяем друг другу! — вот о чём свидетельствует нынешний кризис. А почему не доверяем? — этот вопрос в первую очередь связан с нравственным состоянием общества, состоянием его духа.

Именно об этом не переставал напоминать нам А.И. Солженицын. Вспомним знаменитую его фразу: «Мы должны строить Россию нравственную, или никакую, тогда и всё равно».

Всегда полезно судить о чём-либо в сравнении. Сколько писано многочисленными либералами и демократами о пороках царской России, правда что-то не припоминается исследований, касавшихся пороков её финансовой системы. Как бы то ни было, экономика России XVIII и XIX веков была рыночной, но знавала ли Россия кризисы, подобные нынешнему? Даже уровень пресловутой инфляции в течение десятилетий XVIII и XIX веков оставался чуть ли не близок к нулю (оставляем за скобками XX век).

Вот всего два примера, весьма наглядно характеризующих уровень нравственности общества в старой России:

— Оплата налогов при Екатерине II: 1% с капитала, объявленного *по совести*.

— После событий 1812 года на руках у русских крестьян оказалось множество фальшивых рублей, завезённых французами. Александр I принял решение выкупить все эти деньги у населения по номиналу, чтобы не подрывать уровень жизни народа.

Можно ли представить что-либо похожее в нынешней России? Не с этим ли связана проблема *доверия* людей друг другу?

Понять суть нынешнего экономического кризиса можно нагляднее, если представить себе категорию труженика, который мог бы его и не бояться, который *мог бы его и не заметить*. Кто же это? Крестьянин. Чей класс практически уничтожен у нас. Твёрдо стоящий на своей земле мастер на все руки, который мог и вспахать поле, и построить своими руками дом, крестьянин какого-нибудь 1913-го, в экономическом отношении лучшего нашего года. Крестьянин-труженик, но не рвач. Страна, бывшая на 80–90% крестьянской, не знавала таких кризисов, т.к. она преимущественно производила конкретный, нужный всем продукт, без которого нельзя обойтись, а не делала деньги из воздуха, как нынешние беспредельно расплодившиеся в мировом масштабе спекулятивно-финансовые структуры.

А не подсказывает ли нам А. И. Солженицын пути выхода из кризиса? Очевидно, что концепция современного «общества потребления», тотальной зависимости от кредитов — прямо противоположна его идее о нравственном обществе, основанном на принципе добровольного *самоограничения*. Идея самоограничения подробно рассмотрена им в работе «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» и в другой публицистике. Хотелось бы отметить, что даже если оставить за скобками главный — нравственный — аспект этой идеи, очевидно, что сам факт ограниченности земных ресурсов вступает в непримиримое противоречие с концепцией общества потребления.

Прежде всего, Солженицын призывает нас переосмыслить само определение свободы (сюда ведь относится и свобода выбора методов ведения бизнеса): «После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма — вот воистину христианское определение свободы: свобода — это самостеснение! самостеснение — ради других! Такой принцип, однажды понятый и принятый... переключает нас — отдельных людей, все виды наших ассоциаций, общества и нации — с развития внешнего на внутреннее, и тем углубляет на духовно».

«Поворот к развитию внутреннему, перевес внутреннего над внешним, если он произойдёт, будет великий поворот человечества, сравнимый с поворотом от Средних Веков к Возрождению». «Но и в материальной сфере такой поворот отменно

скажется. Человеку — не выколачиваться в жажде всё большего заработка и захвата, но экономно, разумно, бессумятно тратить то, что у него есть. Государству — не как сейчас, не применять силу даже иногда без ясной цели, если где давится — непременно дави... но между государствами принять индивидуальную мораль: не делай другому, чего не хотел бы себе; но углублённо осваивать то, что имеешь. Только так и может создаваться упорядоченная жизнь на планете».

«Нелёгко будет такой поворот западной свободной экономике, это революционная ломка, полная перестройка всех представлений и целей: от непрерывного прогресса перейти к стабильной экономике, не имеющей никакого развития в территориях, объёмах и темпах (а лишь в технологии). Значит, отказаться от заразы внешней экспансии, от рыска за новыми и новыми рынками сырья и сбыта, от роста производственных площадей, количества продукции, от всей безумной гонки наживы, рекламы и перемен».

«Стимул к самоограничению ещё никогда не существовал в буржуазной экономике, но как легко и как давно он мог быть сформулирован из нравственных соображений! Исходные понятия — частной собственности, частной экономической инициативы — природны человеку и нужны для личной свободы его и нормального самочувствия, и благодетельны были бы для общества, если бы только... носители их на первом же пороге развития *самоограничились*, а не доводили бы размеров и напора своей собственности и корысти до социального зла, вызвавшего столько справедливого гнева, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу. Именно в ответ на бесстыдство неограниченной наживы развился и весь социализм».

А, может быть, кризис — есть свидетельство того, что нам и не нужно столько машин, столько металла, столько нефти и, в конечном итоге, столько денег и столько усилий, чтобы их заработать? А не есть ли кризис — отрезвление, признание того, что многие из нас получали фактически незаработанные деньги? Забыта, забыта старорусская поговорка, упоминавшаяся Солженицыным: «За что не доплатишь — то не доносишь». Не есть ли кризис — свидетельство переоценки себя?

Кризис — свидетельство преобладания в экономике шального капитала, которому уже некуда и не на чем расти. Кризис — призыв к здравому смыслу. Кризис — целительный ограничитель непомерных людских амбиций. Кризис — есть *вынужденное* самоограничение (в отличие от *добровольного* самоограничения по А. И. Солженицыну). Кризис — есть свидетельство того, что нынешний капитализм, как общество потребления, — есть тупик человеческой цивилизации. Кризис — есть призыв к перестройке общества на новых, нравственных началах. А не смирим нашу гордыню и не признаем этого — по настоящему не выйдем из кризиса никогда.